

ЗАКАТ ЦЕНЗУРЫ В СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ 1985–1990 ГГ.

АЙНА ШТРАЛЕ

Национальная библиотека Латвии
Tērbatas iela 75, LV-1001 Rīga, Latvija
E-mail: ainas@lnb.lv

Во второй половине 80-х годов уже прошедшего столетия рушилась государственно-политическая основа Советского Союза (СССР), в состав которого в 1940 г. была насильственно, путем оккупации, инкорпорирована и Латвия (ЛССР). Одной из главных опор тоталитарного режима в СССР была цензура. На материале библиотек Латвии попробуем проследить этапы заката цензуры с 1985 г. по 1990 г., рассмотрим некоторые приметы демократизации латвийских библиотек в этот период.

Год 1985

В конце 1985 г. возникли известные понятия «перестройка и гласность», авторство которых обычно приписывается М. Горбачеву. Но на начальном этапе «перестройки и гласности» никаких существенных перемен во взаимоотношениях литературы, печати и цензуры еще не происходило. Главлит (Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР и региональные отделения Главлита, в т. ч. Латвийской ССР) продолжал работать «на полную мощность» во всех отведенных ему областях идеологического контроля. К примеру, одной из задач Главлита являлся контроль над поступлением в СССР заграничной литературы путем почтовых отправок. В докладе Главлита ЛССР от 10 февраля 1986 г. в адрес Центрального комитета Коммунистической партии Латвии и Совета министров Латвийской ССР в очередной раз постулировалось, что «контроль выпущенной в капиталистических странах на латышском языке литературы и звукозаписей» производится «с целью не допустить распространения таких изданий, которые содержат антисоветскую,

антикоммунистическую и националистическую информацию» [2], а в приложении к докладу приводилась статистика почтовых поступлений и их дальнейшая судьба. Общий объем литературы, доставленной в Латвию из-за границы в 1985 г., составил 1205 печатных единиц. И как обычно, большая ее часть была признана не подлежащей свободному доступу: свыше половины (647) изданий была помечена двумя шестиугольниками (знаками ограничения доступа, которыми обычно регистрировалась литература, содержащая «клевету и измышления» персоналогического характера и ознакомление читателей с которой было ограничено); а 413 изданий были помечены одним шестиугольником (которым обычно регистрировалась антисоветская, антикоммунистическая литература общего характера и доступ к которой специалистам был облегченным). В качестве реакционнейших в докладах Главлита упоминались книги, посвященные истории Латвии: работы Б. Калныньша, Э. Дунсдорфа, В. Хазнера, Э. Андерсона и др. Эти издания были переданы в спецфонд Фундаментальной (сейчас – Латвийской Академической) библиотеки Академии наук ЛССР. Издания, помеченные одним шестиугольником, также не дошли до своих адресатов – частных лиц или учреждений, они были переданы организациям, имевшим право хранения подобных изданий [2]. Так в очередной раз попытки латышской эмиграции противопоставить коммунистической точке зрения на историю свое представление об истории обрекались на спецхран.

Год 1986

В феврале состоялся XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Понятие «гласность» все чаще звучало в печати, на радио и телевидении.

В начале 1986 г. в беседе с журналистами газеты «Юманите» Михаил Горбачев изложил свою позицию по вопросам цензуры, фактически впервые был признан сам факт ее существования в СССР. Но еще важнее: в высказываниях М. Горбачева не слышалось привычных для советской эпохи характеристик – антисоветский, антикоммунистический, идеологически вредный, политически ущербный. М. Горбачев как бы указал на новые границы цензуры: охрана государственной и военной тайн, запрет

на пропаганду войны, жестокости, насилия, гарантия неприкосновенности личности.

Интервью М. Горбачева появилось в советской печати 8 февраля. Это интервью никак не повлияло на терминологию уже упоминавшегося выше доклада Главлита ЛССР, в котором звучали все те же традиционные для советской цензуры понятия: антисоветский, антикоммунистический, националистический.

Помимо идеологической оценки задержанных на почте зарубежных печатных изданий и прочих «спецпоручений», Главлит, как известно, контролировал и фонды массовых библиотек, книготорговую сеть. О результатах проверок за 1986 г. говорят два документа: протокол заседания коллегии Главлита ЛССР от 26 декабря 1986 г. [2] и ежегодный отчет Главлита ЛССР [2]. В обоих документах отмечено, что вопреки неоднократным приказам Главлита, библиотечные фонды продолжают хранить «политически ущербную» литературу. Этот вывод был сделан на основании проверки 47 библиотек Латвии. В 25 библиотеках были изъяты 72 книги, в том числе 45 книг во исполнение приказа Главлита СССР № 11с от 4 сентября 1984 г. об изъятии из библиотек книг очередных писателей-эмигрантов [7]. А в иных библиотеках полностью не была изъята литература (27 книг) даже по давним приказам 1969, 1974 и 1976 годов (2 книги А. Кузнецова, 8 – В. Максимова, 13 – А. Гладилина, 2 – В. Некрасова). В ответ на соответствующие нарекания Главлита ЛССР, иные библиотеки оправдывались тем, что запрещенные книги поступают от читателей взамен утерянных.

Проверкам Главлита подвергались не только публичные библиотеки, но и спецфонды, а их на 1 января 1986 г. в республике было четыре: в Государственной библиотеке ЛССР им. В. Лациса, Фундаментальной библиотеке АН ЛССР, библиотеке Латвийского государственного университета им. П. Стучки, библиотеке Института истории партии при ЦК КПЛ. При проверке этих хранилищ нарушений не было обнаружено. Спецфонды работали в обычном режиме ограниченного доступа.

В 1986 году оставалась в силе и предварительная цензура. Так, например, в подготовленной издательством «Лиесма» книге «Счастье», посвященной известной актрисе М. Брехмане-Штенгеле, была вычеркнута фамилия семьи латышских эмигрантов Германисов, поскольку один из представителей

этой семьи (историк У. Германис), которому была предоставлена возможность работать в латвийских архивах и библиотеках, впоследствии опубликовал книгу – «злостный пасквиль на советскую действительность» [2]. К публикации в № 16 газеты «Литература ун максла» от 18 апреля запрещена была статья А. Бергманиса, в которой автор, говоря о коммунистических субботниках, заявил, что такие субботники существуют лишь для того, чтобы прикрывать нерадивых начальников. По мнению цензуры, автор недооценил это массовое движение, сконцентрировал свое внимание на случаях нарушения организация труда и бюрократизме [2]. И все же с осени 1986 г. «перестройка» и в особенности «гласность» давали себя знать и в работе Главлита.

4 сентября Главлит СССР издал известный приказ № 29с, в котором цензорам было дано указание сосредоточить внимание на вопросах, связанных с охраной государственных и военных тайн в печати, и информировать партийные органы только о тех случаях, когда необходимы существенные поправки в идеологическом содержании текста.

Приказ № 29с Главлита СССР допускал некоторые послабления в области печати, но о подлинной независимости печати еще не было и речи. Печать, радио и телевидение все еще были вынуждены обходить некоторые темы и проблемы, остававшиеся в зоне усиленного внимания учреждений идеологического надзора. Так, например, в Латвии запрещалось публиковать материалы о репрессиях 1937–1938 гг. в отношении коммунистов-латышей; о насильственных депортациях населения Латвии в 1941 и 1949 годах. Нельзя было касаться вопроса о качестве освоения латышского языка некоренным населением Латвии, запрещалось писать о проблемах двухпоточных школ. Запреты касались и экологической проблематики, например, фактического превращения Даугавы в систему прудов-водохранилищ для электростанций. В средствах массовой информации нельзя было полемизировать о целесообразности строительства Даугавпилсской ГЭС, о размещении промышленных предприятий союзного подчинения в республике и т. д. Нежелательным считался пересмотр латышского культурного наследия в органах массовой печати, не рекомендовалось помещать на страницах республиканских изданий произведения латышей-эмигрантов без «критического отношения к содержащемуся в них мировоззрению» [2].

Всего в четвертом квартале 1986 г. в адрес печати Главлитом ЛССР было сделано 11 замечаний идеологического характера [2]. Как известно, в 1986 г., в апрельском номере журнала «Огонек», были опубликованы стихи Николая Гумилева. Эта публикация ознаменовала очевидный прорыв в области цензуры.

Год 1987

Литературные журналы России все чаще публиковали некогда запрещенных авторов и некогда запретные произведения. Монолитная организация Главлита давала заметные трещины – под давлением общества Главлит был вынужден все большее число печатных изданий освобождать от предварительного контроля. Зато был усилен постпечатный контроль, стало обязательным разъяснение диктуемых цензурными учреждениями правил ответственным работникам редакций. В 1987 году вышел последний перечень изданий, запрещенных советской цензурой, – «Перечень запрещенных к опубликованию сведений». Им устанавливалось, что в общедоступные издания нельзя включать сведения о катастрофах, повлекших человеческие жертвы, широкомасштабных авариях и пожарах, о маршрутах поездок, местах выступлений и пребывания членов и кандидатов в члены политбюро ЦК КПСС... «Ослабив несколько политико-идеологические вожжи, цензура судорожно цеплялась за последнее свое прибежище – охрану государственных военных и экономических тайн» [6]. В отчете Главлита Латвийской ССР за 1987 г. указывалось, что главное направление работы цензуры определяют решения XXVII съезда КПСС, директивы ЦК КПСС и ЦК Компартии Латвии, приказы коллегии Главлита СССР. В этом же отчете отмечалось, что «возложение ответственности за идейное содержание материалов на редакторов издательств, редакций газет, журналов, радио и ТВ показало, что не все редакторы обладают достаточно твердыми и ясными политическими убеждениями, допускают заверствание материалов, признаваемых в ЦК Компартии Латвии политически незрелыми или вредными. Особенно это проявилось во время активизации националистически и антисоветски настроенных элементов 14 июня, 23 августа и 18 ноября 1987 г., а также при обсуждении экологических проблем в республике. В результате за отчетный период Главное управление по указанию руководства Отдела

пропаганды и агитации ЦК Компартии Латвии сделало 21 замечание по содержанию» [2].

Доклад свидетельствует о том, что Главлит не забывал о своей «охранительной» роли, но латвийские средства массовой информации все чаще пренебрегали его установками, все смелее обращались к запретным темам. Но гласность все еще была условной, ситуация со свободой слова – переменчивой. В 1987 году по указанию Главлита продолжалась проверка библиотек (57 библиотек) и книжных магазинов (24 магазина) Латвии. В 12 хранилищах было обнаружено 30 названий книг, которые, согласно приказам Главлита СССР, подлежали изъятию [2]. Но в этом же году, в значительной степени под влиянием центральной печати, гласности, кардинально стала меняться ситуация в спецфондах. Пересмотру изданий, хранящихся в спецфондах латвийских библиотек, предшествовало распоряжение Главлита СССР. А 10 сентября 1987 г. была создана комиссия, задачей которой стал пересмотр хранившейся в спецфондах литературы. В комиссию вошли представители Главлита ЛССР, Министерства культуры ЛССР, Госкомитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли ЛССР, Академии наук ЛССР. В составе работников Главлита, Госкомиздата, Министерства культуры, Академии Наук ЛССР была образована межведомственная комиссия по определению возможности возврата книг в общие фонды библиотек и межведомственная рабочая группа в составе работников Главлита и спецфондов по непосредственному просмотру и отбору книг в спецфондах [1]. В ответ на соответствующее письмо Главлита СССР Главлит ЛССР в письме от 11 января 1988 г. информировал: «На Ваш № 291с от 05.06.1987 г. сообщаем, что с письмом Главлита СССР о предстоящем пересмотре спецфондов был ознакомлен секретарь ЦК Компартии Латвии тов. Горбунов А. В. и руководство Отдела пропаганды и агитации ЦК КПЛ. Пересмотру подлежат 3009 названий книг, в том числе 2570 на латышском языке, изданных в Латвии до 1951 года. По состоянию на 10.01.1988 года просмотрено и подвергнуто анализу 703 книги, из которых 131 комиссией рекомендовано вернуть в общие фонды библиотек. Составлен и подписан комиссией и членами рабочей группы первый список, 117 названий книг, на основании которого Главлитом Латвийской ССР издан приказ. Работа над пересмотром книг спецфондов продолжается и ориентировочно может быть закончена в конце 1988 года» [1].

Но одновременно по-прежнему подвергались строгому контролю почтовые отправления, т. е. традиционные кандидаты на специальное хранение. 19 января 1988 г. начальнику Главлита СССР В. Болдыреву было доложено, что за минувший год в Латвию прислано 1267 единиц, из которых задержано 50 газет, 126 журналов, 143 книги и брошюры, 175 мелких печатных единиц, 4 грампластинки. Задержанная литература передана в ЦК КПЛ (4 газеты, 26 журналов), спецфонд Фундаментальной библиотеки АН ЛССР (5 газет, 37 журналов, 36 книг и брошюр), спецфонд Института истории партии при ЦК КПЛ (38 газет, 15 журналов, 4 книги и брошюры). А большая часть задержанной литературы (73 газеты, 48 журналов, 103 книги и брошюры, 175 мелкопечатных изданий) и грампластинки были переданы Комитету госбезопасности ЛССР для уничтожения. Проверенные на Рижском почтамте (один из контрольных пунктов Главлита) эмигрантские газеты (пять наименований): «Свободная Латвия», «Латыш Австралии», «Латвия в Америке», «Время» и «Газета дней песни свободных латышей мира» – были квалифицированы как особо секретная информация, т. е., получили два знака запрета. Из десяти задержанных Главлитом названий журналов двумя знаками запрета были помечены пять: «Новый путь», «Ежемесячник «Соколов Даугавы», «Вестник Монреальского латышского общества», «Академическая жизнь», «Трое ворот». Одним знаком запрета помечены «Музыка Латвии», «Птичка-невеличка», «Свет», «Обзор техники» [2].

Хотя в 1987 г. через почту прошло почти столько же единиц эмигрантской литературы, что и двумя годами ранее, но латыши зарубежья в процессе гласности увидели отдаленную надежду на восстановление независимости Латвии и были настойчивы в своих почтовых «декларациях». Редакция журнала «Даугавас ванагу менешпракстс» шесть раз отправляла журналы высшим учебным заведениям и АН ЛССР, в адрес 11 организаций из Мюнхена был выслан буклет, посвященный латвийской группе диссидентов «Хельсинки-86», которая, в частности, призывала добиваться освобождения политзаключенных.

Оценка эмигрантской печати, данная сотрудниками Главлита, была уничтожающей: все журналы, помеченные двумя знаками запрета, были признаны националистическими и антисоветскими. Впервые поступившая газета «Пасаулес бриво латвиешу дзиесму диену авизе» (Мюнстер, ФРГ) была традиционно расценена как издание реакционных латышских

эмигрантов. По распоряжению секретаря ЦК КПЛ А. Горбунова это издание получило два шестиугольных знака. Наиболее реакционными публицистами эмиграции Главлит в очередной раз назвал историка У. Германиса, а также публициста В. Хазнерса и писателя А. Эглитиса.

В 1985–1987 гг., когда с высоких трибун ЦК КПСС провозглашалась необходимость «гласности» и «перестройки», учреждения цензуры продолжали ограничивать свободу слова. Главлит по-прежнему издавал приказы об изъятии из обращения вредной литературы, контролировал присланную эмиграцией литературу, устанавливал для средств массовой информации запретные темы, которые представлялись защитникам советского строя и нерушимости СССР особо опасными. Однако имел место и важный положительный поворот – пересмотр хранящейся в спецфондах литературы позже, в основном, в 1988 году, вернул в общедоступные фонды большую часть запрещенных изданий.

Год 1988

В год, когда в Балтийских странах бурлила «песенная революция», все большую опасность для правящих кругов представляла гласность, которая далеко шагнула за рамки гласности, первоначально определенной высшими эшелонами власти СССР. Так, на состоявшемся 1 и 2 июня Общем пленуме творческих союзов Латвии публицист М. Вульфсон (1918–2004) впервые публично заявил о том, что в 1940 году произошла оккупация Латвии. Обозначилось такое дальнейшее развитие событий Латвии, о каком еще недавно и думать было нельзя. 10 июля было основано Движение за национальную независимость Латвии – первая общественно-политическая организация, которая потребовала прекращения оккупации Латвии и на первом съезде 18 и 19 февраля 1989 г. объявила конечной целью своей деятельности восстановление независимого и демократического Латвийского государства.

Среди лозунгов, выдвигавшихся на митингах, шествиях и пикетах звучало и требование ликвидации Главлита. 26 октября у Дома печати, в котором располагался и Главлит СССР, состоялся пикет против спецфондов и Главлита, в котором участвовали работники Государственной библиотеки, студенты юридического и историко-философского факультетов Латвийского

университета, учащиеся 50-й Рижской средней школы [1]. Напряженность в обществе усиливалась противостоянием общественно-политических организаций – Народного фронта Латвии – движения народа Латвии за независимость, и его идеологического противника – Интернационального фронта трудящихся Советской Латвии. Как в таких условиях существовать и что делать Главлиту? В очередном годовом отчете за 1988 г. начальнику Главлита СССР А. Болдыреву функционеры Главлита ЛССР сетовали: «В создавшихся условиях Главлиту совместно с Идеологическим отделом ЦК Компартии Латвии не всегда удавалось выдерживать ровное отношение к заверстанным материалам. Стремительное развитие политической ситуации в республике приводило порой к тому, что ранее снятый материал через некоторое время появлялся на страницах другого издания или звучал по радио и ТВ. Такая непоследовательность в оценке материалов часто ставила Главлит в неловкое положение, давала повод к обвинению в пристрастии или особой благосклонности к некоторым изданиям» [2].

Главлит катастрофически терял авторитет, его положение становилось шатким. В попытках хотя бы частично спасти ситуацию с помощью реорганизации Главлит СССР предложил изменить механизм действия цензуры, а именно – издательства обзаводятся собственными цензорами и оплачивают по тарифным нормам их услуги. Это нововведение достигло и Латвии: издательства «Лиесма», «Авотс», «Звайгзне», «Зинатне» и Главная редакция энциклопедий заключили договоры с Главлитом на спецредактирование текстов [2]. Известная самостоятельность редакций еще не означала, что официальная советская цензура утратила значение. Она все еще существовала и старалась сохранить свои позиции.

Бурно нарастающие тенденции гласности в стране создавали осложнения в работе Главлита ЛССР, но упомянутый отчет за 1988 год свидетельствует о том, что Главлит ЛССР продолжал работать в соответствии с требованиями Главлита СССР и, помимо основной своей задачи по охране государственных, военных и коммерческих тайн в печати, за 1988 год было просмотрено 291 446 метров киноплёнки, принято 40 музейных и выставочных экспозиций, подписано к вывозу за границу 750 разного рода рукописных материалов, подвергнуты контролю другие материалы, по указанию идеологического отдела ЦК КПЛ внесено 16 поправок в содержание текстов.

Но год был богат и положительными переменами в библиотеках Латвии и других республик СССР. Читатели постепенно перенимали десятки лет скрываемую в спецфондах литературу и наконец получили свободный доступ к отправлениям литературы из эмиграции. Приказ Главлита СССР № 3-484 от 11 апреля 1988 г. определил существенные изменения в хранении и использовании зарубежной литературы [2]. Согласно этому приказу, в спецфондах следовало изменить режим хранения зарубежной литературы, что облегчало доступ к ней; издания, выпущенные в свет до 1985 г. и помеченные одним шестиугольным знаком, разрешалось переместить в открытые фонды. А печатные издания, опубликованные до 1985 г. и помеченные двумя шестиугольниками, следовало перевести на режим хранения изданий с одним знаком. Новейшую зарубежную литературу (издания с 1985 г.) можно было перемещать в открытые фонды без ограничений.

Пока еще особо регламентировался порядок хранения изданий главного противника СССР в холодной войне – США: все периодические издания, в том числе общественно-политического характера, изданные до апреля 1988 г. и помеченные одним шестиугольником, кроме оговоренных в приложении, следовало переместить в фонды общего пользования. В свою очередь, издания, вышедшие до апреля 1988 г. и помеченные двумя знаками, переводились на режим хранения, установленный для изданий с одним шестиугольником [1].

16 июня того же года был издан очередной приказ за № 3-768, отразивший колебания советской системы в сфере допуска к информации. Этим приказом, в частности, запрещалось переводить в открытый фонд «не опубликованные в СССР политические произведения советских авторов, выехавших за рубеж» [1]. Этот же июньский приказ свидетельствовал о том, что предыдущее распоряжение (от 11 апреля) было принято Главлитом СССР в состоянии, близком к параличу, поскольку в нем не оговаривалось запрещение на перевод в открытые фонды изданий, касающихся способов приготовления и применения взрывчатых веществ, изготовления и применения наркотиков, распространения изданий порнографического характера.

Неторопливая и непоследовательная деятельность Главлита в отношении спецфондов и свободы доступа к информации вызывала негодование в

обществе и, в частности, в среде библиотечных работников, болевших душой за «узников» спецфондов.

В июне 1988 г. в Элби (Эстония) состоялся очередной, 21-й, семинар работников государственных библиотек и министерств культуры Балтийских республик – «LiLaEst». Главной темой семинара стали спецфонды, изъятия из библиотек и уничтожение литературы в советскую эпоху. Работники Национальной (тогда – Государственной) библиотеки Латвии помнят, как плакала, читая доклад о деятельности советской цензуры, об уничтоженных книгах коллега из Эстонии Пирет Лотман. После «LiLaEst» на открытое партийное собрание в Государственной библиотеке им. В. Лациса был приглашен заместитель начальника Главлита Рудольф Дундурс. Латвийские библиотекари были взбудоражены духом «LiLaEst», и «товарищ» Дундурс был вынужден выслушать откровенное мнение сотрудников библиотеки Инары Клекере, Виестурса Зандерса, Анны Маулини, Антры Пурини и других по поводу Главлита и утаивания информации в спецфондах. «Товарищ» Дундурс отговаривался тем, что создана специальная комиссия и рабочая группа которая работает над просмотром литературы спецфонда и передачей ее в общие фонды. Однако библиотекарей не удовлетворял медленный темп работы комиссии: «До 30 июня 1988 г. в комиссии рассмотрено и прорецензировано 1963 издания, из которых только 739, т. е., каждая третья книга, переданы в открытые фонды. Библиотекари подчеркнули, что комиссия работает медленно и нерационально, у нее нет четких критериев оценки литературы. <...> Отдел пропаганды и агитации ЦК КП Латвии, под чьим руководством работает эта комиссия, тоже мог бы проявить больше положительной инициативы, гласности и демократичности в восстановлении исторической памяти народа» [3]. Член рабочей группы комиссии, в прошлом заведующая Отделом литературы специального хранения Государственной библиотеки Латвийской ССР Марите Пуриня вспоминает: «Рабочая группа собиралась на совещания раз в две недели. Вначале на них подробно обсуждалось каждое издание. Каждый перечень, составленный рабочей группой, утверждался в Главлите и был обязателен для всех спецфондов библиотек республики – включенные в него книги изымались из спецфондов и передавались на общее хранение библиотек. Вместе с общими тенденциями ускорения демократизации библиотек активизировалась и деятельность рабочей группы» [3].

К концу 80-х годов латвийские спецфонды достигли громадных объемов. В Отделе литературы специального хранения тогдашней Фундаментальной библиотеки АН ЛССР насчитывалось 203 000 единиц хранения, а в аналогичном отделе Государственной библиотеки им. В. Лациса – 88 684 единиц хранения [4]. О том, как «таял» фонд секретных печатных изданий Государственной библиотеки свидетельствует принятое коллегией министерства культуры ЛССР постановление от 26 декабря 1988 г. «О передаче печатных изданий Спецфонда Государственной библиотеки им. В. Лациса в общедоступные фонды и о совершенствовании комплектования национальной литературы». В постановлении отмечалось, что в последнее время проведена работа по пересмотру режима хранения изданий библиотечного спецфонда и значительная часть изданий передана в общие фонды. В 1988 году из спецфонда библиотеки в общедоступные хранилища поступило 5,5 тысячи книг (в том числе 1,8 тысячи на латышском языке), 3,5 тысячи периодических изданий. Читатели получили доступ к справочной литературе, изданной за рубежом, к книгам, изданным за рубежом до 1985 г., и почти ко всем периодическим изданиям на иностранных языках, вышедшим до апреля 1988 г. В общедоступные фонды были переданы и периодические издания, вышедшие в Латвии до 1940 г. включительно, т. е. периода независимости [1].

К этому времени к читателям вернулись ранее бывшие под запретом многие выдающиеся латышские писатели, деятели культуры, ученые, в том числе: Я. Акуратерс (1876–1937), Аспазия (1865–1943), А. Бригадере (1861–1933), Валдис (1865–1934), Э. Вирза (1883–1940), А. Гринс (1895–1941), К. Иевиньш (1888–1977), З. Мауриня (1897–1978), В. Плудонис (1874–1940), К. Раудиве (1909–1974), А. Чак (1901–1950), Я. Эзериньш (1891–1924), У. Германис, (1915–1997), В. Рукс-Дравиня (1917–2003), Я. Силиньш (1896–1991). Судьба писателей, перечисленных в нашем списке была разной: одни, оказавшись в эмиграции, вовсе не издавались на родине; у других, оставшихся в Латвии, разрешены были одни тексты, но запрещены другие, что не мешало тому или иному произведению тех же авторов быть включенным в школьные программы.

Главлит оказался в странной ситуации: по его собственным приказам был облегчен доступ к литературе, но в то же время продолжал действовать предварительный контроль печатной продукции. «Что сейчас делает

республиканский Главлит?» – такой вопрос в конце 1988 г. был задан начальнику Главлита Э. Упмалису [5]. Из его ответов следовало, что в кругу внимания Главлита по-прежнему оставались газеты, журналы, продукция издательств, издания рекламы и научно-технической информации, цензоры по-прежнему просматривали сценарии художественных фильмов, радио- и телепередач, отправляемые за границу материалы. Около 23 процентов от объема просмотренного составляла научно-техническая литература, в том числе и та, что уходила за границу. На этой работе было занято девятнадцать сотрудников, из них шестнадцать – редакторы. По выходе из печати Главлит выборочно проверял районные газеты, часть ведомственных многотиражных изданий. Если в результате постпечатного контроля обнаруживались нарушения допустимых рамок информации, редакторы получали замечания, ставились в известность соответствующие партийные комитеты. И все же компетенция цензуры неуклонно сокращалась. От предварительного контроля Главлита была освобождена печатная продукция по изобразительному искусству, философии, атеизму, педагогике, языковедению, этнографии, археологии, религиозная литература, а также издания, информирующие о работе издательств и полиграфии, литература по пению и хореографии. По-прежнему оставался в силе запрет на фотооткрытки с определенными (стратегическими?) видами города, промышленных объектов и т. п.

Перестройка в Балтии перерастала в песенную революцию, но Главлит все еще продолжал борьбу за свое существование, цензура, хоть и отступала, но была готова в любой момент сомкнуть свои ряды.

Год 1989

Исторические события все стремительнее вели Латвию к независимости. Был сделан еще один важный шаг на этом пути: 27–28 июля Верховный совет ЛССР принял декларацию о суверенитете Латвийского государства и закон об экономической самостоятельности Латвии. Главлит как охранитель советской идеологии уходил в прошлое. Как подтвердил в своих воспоминаниях бывший начальник Главлита ЛССР Инар Скуиньш, который возглавлял это учреждение в конце 80-х годов, в компетенции Главлита в это время оставалась только охрана государственных, военных и экономических тайн.

5 мая 1989 г. собрался III съезд библиотекарей Латвии. Предыдущий состоялся еще в довоенную эпоху, в 1926 году. Особое внимание на съезде было уделено проблемам доступности информации и необходимости комплектования библиотеки литературой, изданной в эмиграции. Из принятой на съезде декларации: «Съезд считает, что согласно заключительному документу Венской встречи и международному праву, каждый гражданин Латвии также имеет право на получение любой необходимой ему информации. Альтернативы нет. Необходимо всеми силами добиваться сокращения спецфондов до необходимого минимума и подчинения их администрации библиотек, следует ускорить передачу литературы в открытые фонды. Важная задача библиотек – способствовать освоению и сохранению национального и мирового культурного наследия, обеспечить всем свободный доступ к нему. Особое внимание следует уделить приобретению полного комплекта изданной в эмиграции литературы – составной части национальной культуры».

В августе 1989 г. директор Государственной библиотеки Андрис Вилкс в Стокгольме, в Латышском комитете взаимопомощи, сделал доклад о цензуре и спецфондах в СССР. Он вспоминает, что после выступления к нему подходили слушатели и выражали удивление его смелостью, поскольку там же, в помещении, находились очевидные для них агенты КГБ.

1989 год, как отчасти и предшествующий, можно назвать «годом приказов о свободе информации» – и из союзного, и из республиканского Главлита непрерывно поступали соответствующие приказы. Все доступнее становилась литература эмиграции. Приказом Главлита ЛССР № 57 от 3 апреля 1989 г. из спецфондов в общие фонды переходили произведения писателей-эмигрантов. Литература эмиграции уже в известной мере была доступна читателям библиотек. Государственная библиотека теперь беспрепятственно получала из-за границы и передавала в распоряжение читателей произведения известных и менее известных авторов-эмигрантов, в том числе: А. Дзилюмс (1907–1976), П. Юревичс (1891–1981), Я. Клитзейс (1914–000), З. Мауриня (1897–1978), А. Эглитис (1906–1993), Я. Яунсудрабиньш (1877–1962), Г. Яновскис (1916–2000) и другие.

По инициативе директора Государственной библиотеки Андриса Вилкса был подготовлен проект приказа Государственного комитета ЛССР по культуре «О хранении и использовании литературы латышской эмиграции

и изданий по летонике в Латвийской государственной библиотеке» [1]. Им предусматривалось: «<...> по согласованию с Главным управлением охраны государственных тайн в печати при Совете министров ЛССР передать в компетенцию директора Латвийской государственной библиотеки и библиотечного Совета по комплектации право устанавливать режим хранения и порядок использования латышских изданий, изданий летоники и аудиовизуальных материалов (независимо от года, места издания и языка); поручить Латвийской государственной библиотеке оказывать методическую и консультативную помощь в работе с упомянутой литературой библиотекам системы Государственного комитета по культуре Латвийской ССР и другим библиотекам; передать в компетенцию директора Латвийской государственной библиотеки руководство библиотечным Отделом литературы особого хранения» [1]. Такой приказ был издан 6 сентября 1989 г. В своих устных воспоминаниях А. Вилкс объясняет этот шаг желанием по возможности скорее включить литературу спецфонда в общие хранилища, а также дать читателю возможность свободного доступа к литературе спецфонда.

По инициативе работников библиотек в открытые фонды были переданы изданные за рубежом на латышском языке альбомы живописи, издания по домоводству, сельскому хозяйству, лесоводству, по вопросам медицины, сборники нот и песен, труды историков-эмигрантов Э. Андерсона (1920–1989), Э. Дунсдорфа (1904–2002) и А. Эзергайлеса (род. в 1930 г.), а также издания по языковедению и периодические издания эмиграции [1].

Осенью 1989 г. в читальном зале Государственной библиотеки в свободном доступе была открыта выставка литературы эмиграции. К этому времени библиотека получила дар от Фонда культуры, директор библиотеки привез из Швеции шесть чемоданов книг и грампластинок. Вскоре после этого благодаря усилиям журналиста Шведского радио В. Залькалнса (1947–2002) в Ригу из Швеции была доставлена Уппсальская латышская библиотека с дверным звонком впридачу.

В свою очередь, Главлит СССР 15 ноября издал приказ № 97, которым аннулировались все свои предыдущие распоряжения о запрете на произведения писателей-эмигрантов, изданные в СССР. Оставался в силе запрет на издания, включенные в ч. II «Сводного списка книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети» [1], куда вошло около 500 изданий, в основном по истории КПСС и национальному вопросу за

1917–1930-е годы. Все издания, на которые распространялась отмена запретов, следовало переместить в общие фонды библиотек.

Ситуация менялась еженедельно и даже ежедневно.

1 декабря 1989 г. приказом директора Латвийской государственной библиотеки «О возвращении литературы специального хранения в общедоступные фонды» спецфонд обрекался на ликвидацию: «1. Всю литературу, размещенную приказом по Государственной библиотеке в фонды литературы специального хранения, вернуть в открытые фонды» [1]. Фактически литература спецфонда Государственной библиотеки была доступна читателям еще до выхода этого официального приказа, с 6 сентября 1989 года.

И, наконец, можно было праздновать окончательную победу над спецфондами: 6 декабря Главлит ЛССР издал приказ № 162 «О возвращении книг в общедоступные фонды», в котором говорилось: «В соответствии с приказом Главлита СССР № 97 от 15 ноября 1989 г. отменяются все приказы Главлита СССР и списки об изъятии изданной в Советском Союзе литературы из общедоступных фондов библиотек и книготорговой сети, кроме части II изданного в 1988 году «Сводного списка книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети» [1]. Все издания, упомянутые в отмененных приказах и списках Главлита СССР, следовало передать в общедоступные фонды библиотек.

Год 1990

Система запретов и ограничений, принятая в советском государстве, капитулировала – полностью отступила перед требованиями общества на свободу информации. Хотя приказами Главлита СССР № 97 от 15 ноября 1989 и Главлита ЛССР № 162 от 6 декабря 1989 г. спецфонды были по сути обескровлены, цензурные учреждения по инерции все еще выпускали приказ за приказом, но эти приказы уже обеспечивали все более широкий путь свободе слова.

29 января издан приказ Главлита ЛССР о переводе всех изданий из спецфондов в общие фонды; 26 февраля – приказ Главлита ЛССР о передаче всех периодических изданий в общие фонды [1]. 18 июня был издан приказ за подписью первого заместителя начальника Главлита СССР об отмене инструкции № 114-р от 1981 г. о порядке хранения и

использования зарубежной литературы в спецфондах. Характерно, что последний приказ сопровождался примечанием: «Имеющиеся экземпляры Инструкции уничтожить на месте в установленном порядке» [1] – Главлит все еще не избавился от привычки скрывать следы своих акций. В этом же приказе указывалось, что в дальнейшем порядок хранения иностранных изданий определяет руководитель учреждения; но в Государственной библиотеке Латвии такая практика существовала уже с 9 июня 1989 года. 1 августа был издан приказ Главлита СССР о передаче в общие фонды библиотек и организаций всех изданий трофейных фондов за исключением: I. Произведений идеологов нацизма: Гитлера, Геббельса, Гимmlера, Геринга, Розенберга, Риббентропа. II. Сугубо антисемитских изданий (прилагался список из 7 книг). III. Коллаборационистских периодических изданий на русском и других языках народов СССР, выходивших на временно оккупированных территориях СССР, других европейских стран и Германии [1]. 6 августа был издан приказ Главлита СССР о передаче всех изданных произведений Льва Троцкого в общие фонды библиотек [1].

Настало время последнего документа. Примечательно, что он был принят в важный для истории Латвии период. 27–28 июля 1989 г. Верховный Совет республики принял Декларацию о независимости Латвийского государства и закон об экономической самостоятельности Латвии. 18 марта 1990 г. состоялись первые отчасти демократические выборы в Верховный Совет, на которых абсолютное большинство получили кандидаты, поддержанные Народным фронтом. Вновь избранный Верховный Совет 4 мая 1990 г. принял декларацию «О восстановлении независимости Латвийской Республики», установив переходный период до созыва Сейма Латвийской Республики. 10 августа 1990 г. постановлением Совета Министров Латвийской Республики Главное управление охраны государственных тайн в печати при Совете Министров ЛССР было ликвидировано [2].

22 апреля 1991 г. был издан приказ директора Государственной библиотеки № 8 «О создании Парламентского отдела», где неожиданно вновь возникает понятие «отдел литературы специального хранения»: «Приказываю на базе Отдела научной информации по культуре и искусству создать Парламентский отдел. Ликвидировать Отдел литературы специального хранения и образовать сектор литературы ограниченного

пользования при Парламентском отделе» [1]. По свидетельству А. Вилкса, директора библиотеки, ограничений на использование литературы в 1991 году уже не существовало. Сектор литературы ограниченного пользования занимался реальной передачей литературы в общие фонды, в нем работали бывшие сотрудники спецфонда, и так был решен вопрос их занятости.

С ликвидацией Главлита окончательно завершился один из тяжелейших этапов в истории культуры Латвии – эпоха заключенной книги и деформированной информации, которая длилась в Латвии пятьдесят лет. Можно ли считать действенными приказы Главлита в 1988–1990 годах? Главлит принадлежал к старому, уходящему миру, который в агонии еще старался «угнаться за временем» и порой пытался приказами утверждать то, что уже состоялось в действительности.

*Перевод с латышского В. Ругайс
Вручено в октябре 2005 г.*

ССЫЛКИ

1. *Latvijas Nacionālās bibliotēkas Reto grāmatu un rokrakstu nodaļas arhīvs*. A 324, LVB Specf., l. 4, lp. 7, 20–21, 35; l. 61, lp. 31, 34; l. 62, lp. 116, 251–253; l. 63, lp. 246, 305; l. 64, lp. 64; l. 65, lp.1, 25, 260, 262; l. 99, lp. 1–3, 20–21, 36.
2. *Latvijas Valsts arhīvs*. F. 917, apr. 1a, l. 206, lp. 8, 10; l. 208, lp. 17–21; l. 212, lp. 2, 5, 29–30; l. 216, lp. 2, 14; l. 223, lp. 27; l. 225, lp. 23–24.
3. MAULIŅA, Anna. Baltijas bibliotekāri par kultūras vērtību pieejamību. In *Padomju Jaunatne*, 1988, 30 jūnijs.
4. MAULINA, Anna. Librarianship within Latvian culture. In *Information Europe: EBLIDA Magazine: European Bureau of Library, Information and Documentation Associations*, 2001, vol. 6, p. 21.
5. UPMALIS, Eižens. Ko tagad dara republikas GLP? In *Literatūra un Māksla*, 1988, 16.dec., 11 lpp.
6. БЛЮМ, Арлен. Закат Главлита: Как разрушалась система советской цензуры: документальная хроника 1985–1991 гг. In *Исследования и материалы: Сборник 71*, Москва: ТЕРРА-TERRA, 1995, с. 174.
7. *История советской политической цензуры: Документы и комментарии*. Москва: РОССПЭН, 1997, с. 590.

DECLINE OF CENSORSHIP IN SOVIET LATVIA 1985–1990

AINA ŠTRĀLE

Abstract

The liberalisation of censorship started in the middle of 1980s with the transparency (“glasnost”) policy announced by the secretary general of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union Michail Gorbachev. At that time the control of the literature mailed by the emigrants residing abroad was one of the main tasks of *Glavlit*. In 1985 the total amount of this literature was 1205 printed items. All the literature received from the foreign countries was held in the special collections of LSSR. In 1986 *Glavlit* continued to execute regular control over public libraries named at that time mass libraries. The documents of this control reflect the books by refugee authors (the people who had migrated from the USSR) that have not been sent to the special collection in due time. Though by the end of 1986 “perestroika” and “glasnost” was felt also in the work of *Glavlit*. On September 4 the *Glavlit* of the USSR passed the order obliging the censors to concentrate their attention only on the questions concerned with the protection of publishing the state and military secrets in press. The situation of the special collections changed essentially. Under the influence of the transparency (“glasnost”) public attention was focused on these collections. On September 10, 1987 the commission was established with the aim to re-examine the literature of the special collections. Till January 10, 1988 the commission had re-examined 703 books and recommended 131 of them to be placed in the open stock. The listing containing 117 titles was compiled and signed by the commission and the members of the working group. *Glavlit* passed the order about the legality of this listing. The books and periodical press publications mailed by refugees was still under severe control. In 1988 the readers regained gradually the literature hidden in the special collections for decades and finally got a free access to the exile literature. Although the re-estimation of the content of special collections was slow. For this reason one of the main obstacles on the way of libraries’ democratisation and free access to information was – the special collections. *Glavlit* itself passed orders with the aim of gradual liquidation of the special collections. The librarians felt heartache most of all about the information “arrested” and hidden in the special collections. In June 1988 the current seminar of the librarians and representatives of the committees of culture of the Baltic republics “LiLaEst” was held in Elbi (Estonia). The main topic of the seminar was special collections and the literature exterminated during the soviet time. Following the initiative of the director of the State Library Andris Vilks the order of the State Committee of Culture of LSSR was drafted “About the preservation and use of Latvian exile literature and *Lettonica* publications in the State Library of Latvia”. It stated that the storage of Latvian and *Lettonica* publications is the competence of the director of the State Library and the Acquisitions’ Board of the library. This order was passed on September 6, 1989. In his memories Andris Vilks explains this step to be caused by the desire to merge the special collections with the generally available collection in the utmost speed thus giving the readers a chance to access freely this literature. *Glavlit* – the Main Office for the Protection of the State Secrets against Press of the Council of Ministers of LSSR – was liquidated according to the order of the Council of Ministers of Latvia from August 10, 1990.

CENZŪROS SAULĒLYDIS SOVIETŪ LATVIJOJE 1985–1990 METAIS

AINA ŠTRĀLE

Santrauka

Cenzūras liberalizavimas prasidėjo XX a. devintojo dešimtmečio viduryje, kai Sovietų Sąjungos komunistų partijos Centro komiteto generalinis sekretorius Michailas Gorbačiovas paskelbė viešumo („glasnostj“) politiką. Tuo metu viena pagrindinių Glavlito užduočių buvo kontroliuoti užsienyje gyvenančių emigrantų siunčiamą literatūrą. 1985 metais šią literatūrą sudarė 1205 spaudos vienetai. Visa iš užsienio gauta literatūra patekdavo į Latvijos SSR specialiuosius fondus. 1986 metais Glavlitas toliau nuolat kontroliavo viešąsias bibliotekas, tuo metu vadintas masinėmis. Vykdam šią kontrolę sudaryti dokumentai atskleidžia, kokios pabėgėlių (iš SSRS emigravusių) autorių knygos nebuvo laiku perduotos specialiesiems fondams. Tačiau 1986 m. pabaigoje pertvarka ir viešumas jau buvo juntamas ir Glavlito darbe. Rugsėjo 4 d. SSRS Glavlitas išleido potvarkį, įpareigojantį cenzorius sukaupti dėmesį tik į tai, kad spaudon nepatektų valstybinės ir karinės paslaptys. Specialiųjų fondų situacija iš esmės pakito, nes dėl viešumo politikos visuomenės dėmesys nukrypo kaip tik į juos. 1987 m. rugsėjo 10 d. buvo įsteigta komisija, kuri turėjo peržiūrėti specialiųjų fondų literatūrą. Ligi 1989 m. sausio 10 d. ji peržiūrėjo 703 knygas, iš jų 131 rekomendavo perduoti į atvirus fondus. 117 antraščių sąrašą sudarė ir pasirašė komisijos ir darbo grupės nariai. Glavlitas išleido įsakymą, patvirtinantį sąrašo teisėtumą. Tačiau pabėgėlių siunčiamos knygos ir periodiniai leidiniai vis dar buvo griežtai kontroliuojami. 1988 metais skaitytojai pamažu atgavo specialiuosiuose fonduose slėpiamą literatūrą ir pagaliau galėjo laisvai skaityti išėivijos spaudą, nors specialiųjų fondų turinys pervertintas lėtai. Ši priežastis, t. y. specialiųjų fondų egzistavimas, buvo viena svarbiausių kliūčių demokratizuojant bibliotekas ir suteikiant laisvą prieigą prie informacijos. Pats Glavlitas išleido įsakymus dėl laipsniško specialiųjų fondų likvidavimo. Bibliotekininkai labiausiai sielojosi dėl literatūros, „areštuotos“ specialiuosiuose fonduose. 1988 m. birželio mėn. Elbyje (Estija) vyko eilinis Baltijos respublikų bibliotekininkų ir kultūros komitetų atstovų susitikimas „LiLaEst“. Pagrindinė seminaro tema buvo specialiųjų fondų ir sovietiniais metais sunaikinta literatūra. Latvijos valstybinės bibliotekos direktoriaus Andrio Vilko siūlymu buvo parengtas Latvijos SSR valstybinio kultūros komiteto įsakymo projektas „Dėl Latvijos išėivijos literatūros ir letikos leidinių išsaugojimo Latvijos valstybinėje bibliotekoje“. Jame nurodoma, kad už latviškų ir leidinių saugojimą atsako Valstybinės bibliotekos direktorius ir bibliotekos Komplektavimo taryba. Šis įsakymas buvo patvirtintas 1989 m. rugsėjo 6 d. Savo atsiminimuose Andris Vilkas aiškina, kad šį žingsnį paskatino noras kuo greičiau sujungti specialiuosius fondus su bendrai prieinamais fondais ir suteikti skaitytojams galimybę laisvai jais naudotis. Glavlitas buvo panaikintas 1990 m. rugpjūčio 10 d. Latvijos Ministrų tarybos įsakymu.